

Педагогические аспекты использования понятийных форм «хижина» и «дворец» в жанрово-стилевом пространстве повестей Н.М. Карамзина. Статья вторая. «Дворец»

Сергей Михайлович Шаврыгин

профессор кафедры филологии

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Москва, Россия

sshavrygin@gmail.com

 0000-0002-0182-1658

Поступила в редакцию: 09.06.2023

Принята: 10.06.2023

Опубликована 30.06.2023

 10.25726/o5298-5189-5534-z

Аннотация

В статье в рамках когнитивной поэтики рассматривается стержневой концепт-образ «дом» в его индивидуально авторском стилевом оформлении «дворец», репрезентирующий один из главных жанрообразующих признаков — хронотоп, в его пространственном аспекте, привязывающий жанровый дискурс к специфическому пространству, организующему целостный образ художественного мира в повестях Н. М. Карамзина. Сюжет повестей формируется вокруг локуса «жилище», однако тип жилища принципиально различен в разных группах повестей. В одной из них концепт-образ «дворец, чертоги, терем» вводит нас в сферу галантно-сказочного мира, сформированного эпохой позднего классицизма и рококо, а в другой — концепт-образ «хижина» подключает к сфере идиллического мира и является важнейшим жанрообразующим признаком пасторальных жанров. Таким образом, эти группы повестей демонстрируют два разных жанрово-стилевых типа прозаического повествования Н. М. Карамзина. Концепт «дворец» является маркированным элементом прециозного, галантного стиля, который формирует сказочное, галантно-прециозное жанрово-стилевое единство, подпитанное традицией античной литературы, французской прозы XVII века, русскими богатырскими сказками и особенно поэмой И. Ф. Богдановича «Душенька», мотивы которой становятся неотъемлемыми конструктивными элементами галантных повестей Н. М. Карамзина.

Ключевые слова

концепт, жанр, сюжет, хронотоп, концепт, идиллия, пастораль, повесть.

Введение

Небольшой по объему корпус повестей Карамзина разделил русскую прозу на «до» и «после». «До» — это риторическая проза развлекательного или поучительного содержания, «после» — это художественная проза, поэтическое слово, многоуровневая содержательность, сложные жанрово-стилевые структуры, в сжатой, а порой свернутой форме воплотившие основные для того времени эстетические новации.

Во многом благодаря карамзинским повестям в русской литературе 1790 годов складывается особая поэтическая ситуация, основанная на смысловых парадоксах, оппозициях, несводимых противоречиях взаимодействие и противоборство которых и формировали необычную образную атмосферу литературы.

Материалы и методы исследования

Жанрово-стилевые и сюжетные особенности карамзинских повестей обычно изучаются в рамках традиционных историко-литературных или типологических методов. Однако не менее продуктивным

может быть изучение концептосферы карамзинской прозы в рамках когнитивного подхода, целью которого является анализ индивидуального творческого языкового сознания автора и различные способы его реализации в данном случае жанрово-стилистической сфере текста. При этом нас интересует не столько лингвистический аспект концептосферы, сколько роль ее элементов в формировании жанровых, стилистических, сюжетных особенностей карамзинской прозы. В центре внимания будут находиться художественные, поэтические концепты, важнейшими из которых, составляющими ядро концептосферы повестей, оказываются пространственные концепты «жилища»: «хижина» и «дворец». Важнейшую роль антиномических отношений этих концептов-образов для русской лирики карамзинской эпохи и для самого Карамзина отмечает в своем исследовании Ю. В. Манн (Манн, 1995).

Результаты и обсуждение

Нетрудно заметить, что сюжет всех карамзинских повестей формируется вокруг локуса «жилище», однако это жилище двух типов. В повести «Бедная Лиза» — это бедная простая «хижина», которая является центром идиллического художественного пространства повести, с одной стороны, ассоциативно связанным с радостями и заботами пастушеской жизни, а с другой — развалинами Симонова монастыря, опустевшими кельями, оконными решетками, страданиями монахов, образом Богоматери (Карамзин, 1964). Сюжет повести сконструирован так, что два противоположных эмоционально-семантических начала динамически соединяются в пространственном концепте и заменяются один другим: радость и любовь уходят и замещаются страданием и смертью. Концепт «жилище», иногда «пещера», манифестирует определенный тип миропонимания, сентиментально-идиллическое пространство, определяющее жанрово-стилистические особенности повестей, в которых этот концепт-образ и определяет пространственную концептосферу.

Во второй карамзинской повести, «Наталья, боярская дочь», пространственные особенности определены абсолютно другим концептом — это «дворец» («боярский дом», «терем»). В начале повести «Бедная Лиза» упоминается село Коломенское с высоким дворцом, однако это мир бесконечно далекий от того пасторального мира, в котором только и может существовать бедная героиня. В повести о Наталье, наоборот, это пространство, связано с семантикой достатка, даже избытка и телесной, и душевной красоты, нравственной чистоты, материальной щедрости, духовной справедливости, как показывает описание «дворца» («жилища боярского») боярина Матвея (Карамзин, 1964).

Концепт-образ «дворец» («чертоги», «терем») вводит нас в сферу галантно-сказочного мира, сформированного эпохой галантного стиля позднего классицизма и рококо, который мы обнаруживаем в повестях «Наталья, боярская дочь», «Сиерра-Морена», «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода».

Концепт-образ «дворец» («чертоги», «терем»).

В освоении этого стиля Карамзин ориентировался на культуру парижских литературных салонов, где процветал изящный прециозный стиль женской литературы. Большую роль в формировании галантного стиля Карамзина сыграли также литературно-художественные образцы, такие как сказка Апулея в романе «Метаморфозы, или Золотой осел», повесть Жана де Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» (1662), «Русские сказки» В. Левшина (1780–1783) и, конечно, «Душенька» И. Богдановича (1783) (Зорин, 2002).

Одним из первых образцов, на которые ориентировался Карамзин в освоении принципов нового стиля, была идиллия Геснера «Деревянная нога». Его перевод на русский язык, еще очень несовершенный, стилистически неровный, неискusstный, стал первым выступлением в печати начинающего писателя, и в этом многие видят главное значение карамзинского перевода (Кросс, 1969). Однако роль его в становлении жанрово-стилистического мира Карамзина, на наш взгляд, не ограничивается указанным фактом. Эта идиллия отличается у Геснера от всех остальных наличием в ней элементов галантно-рокайльного стиля, что не удивительно. Простота, нежность, чувствительность, трогательность объединяют сентиментализм и рококо, но в последнем сильнее проступает акцент не на чувствительность, а на чувственность, не на сердечный трепет, а на телесные наслаждения. Галантный

характер пасторали Геснера прежде всего придает необычный поворот сюжета: украшенный сединами старик с деревянной ногой оказывается не просто воином, солдатом, а богатым человеком, имевшим «с излишеством земли и стада». Кроме этого, у него есть красавица дочь, которую он хочет выдать замуж за красавца-пастуха, его «русые волосы извивались круг его румяного лица, и жаром наполненные черные глаза в одном блистали». «Тот человек, сказал он своей дочери, которой избавил меня от смерти, был отец сего юноши. Будешь ли мне послушна, и дашь ли ему свою руку. Они сочетались браком» (Геснер, 1783). Сюжетные мотивы любви и брака прекрасных юноши и девушки, сказочный мотив характерен для рокайльного стиля и галантной прозы, именно он дает возможность насыщать образный строй произведения чувственными эротическими деталями, описаниями, сюжетными эпизодами.

Мотивы битвы, воинской доблести и мужества также определяют особенности этого стиля. Описание битвы за вольность в «Деревянной ноге» изобилует деталями, характерными для галантного стиля: множество блистающих копий; перья, развевающиеся на шлемах; мечи, сверкающие наподобие молнии.

В повести «Наталья, боярская дочь» мы находим все эти мотивы, но после поездки в Париж и посещения литературных светских салонов, выраженные в абсолютно совершенной галантной форме. Сюжетные события в повести сконцентрированы вокруг богатого дома, боярских палат боярина Матвея. Отсюда начинается история, сюда она и возвращается в финале повести, после всех пережитых героями приключений. Концепт-образ «дворца», «боярских палат», «терема», берущий свое начало от царского дворца родителей Психеи и удивительных чертогов обитания Амура в сказке Апулея, организует всю пространственно-смысловую структуру карамзинской повести. Образ дворца-чертога и роскошных садов Амура, чуда «архитектуры и всяки редкости природы» организует галантно-аллегорические смыслы основных мотивов. Богатство, роскошь, хлебосольство боярина Матвея, красота природы, сравнимая с драгоценными камнями, красота Натальи, подобная итальянскому мрамору и красоте зефировой любовницы, красота героя «в голубом кафтане с золотыми пуговицами», его «блестящий пронизательный взор», царственная осанка (Карамзин, 1964), описание пустынного домика в густоте леса, испытания героев, описание битвы и особенно молодого воина, добывшего победу — все мотивы галантно-сказочной литературы в изобилии присутствуют в повести. Простой, легкий, игровой стиль, полушутливое обращение рассказчика к читателям, обилие мифологических имен и сравнений делают эту галантную шутливую ироническую повесть в стиле рококо совершенно непохожей на повесть «Бедная Лиза» и все повести сентиментально-идиллического типа. Автор сам противопоставляет галантный мир Натальи и Алексея, мир трепетных, нежных, пламенных страстей миру Дафны и Хлои, пасторальных героинь с их горестями, страданиями, угасающими неразделёнными чувствами (Карамзин, 1964).

Продолжение повествования в галантно-сказочном стиле мы находим в повести «Сиерра-Морена». Экзотический антураж популярного сказочного фольклорного и античного сюжета «муж на свадьбе жены» позволяет автору использовать галантный стиль для рассказа о любви, верности, предательстве. Легкий эротизм описаний телесной красоты Эльвиры, нежное описание ее душевного уныния и горести о погибшем женихе, картина мраморного памятника погибшему Алонзо отсылают нас к стилю «Душеньки» и лафонтеновой повести.

Наконец, в повести «Марфа-посадница или Покорение Новагорода», которую сам Карамзин определял как сказку, мы обнаруживаем наиболее яркие черты галантной жанрово-стилистической прозы.

Наряду с описанием исторических событий, правда, с отступлениями от исторической и летописной правды, Карамзин вводит вымышленные эпизоды и события, которые как раз и выдают истинную жанрово-стилевую принадлежность произведения.

Основные события происходят на вечерней площади, где стоит статуя Вадиму Новгородскому, а на противоположном берегу Волхова «дом Ярославов» (Ярославово дворище, княжеский дворец), в богатом доме Борецких, тереме Ксении, дочери Марфы и на ратном поле. Как видим, эстетика пространственного концепта-образа «дворца» («богатого посаднического дома», «терема» целиком определяют галантный стиль карамзинской сказки-повести.

Мотив мраморного памятника Вадиму Храброму (Новгородскому), поставленного на лобном месте, является чисто литературной реминисценцией, отсылающей читателя к трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский». Наличие на лобном месте мраморного изображения героя могло намекать на современную Карамзину эстетику парков и знаковых мест, либо могло означать введение античных мотивов, от которых произошла эта традиция, что было характерно для галантной литературы.

Один из главных персонажей, князь Иоанн, предстает в повести в типичном для галантной поэзии образе справедливого царя (греческого царя, отца Душеньки, боярина Матвея).

В структуру сюжета встроены события, характерные для прециозной литературы, такие, например, как слова оракула о судьбе Новгорода. Обращение к Оракулу за советом или предсказанием является характерным признаком галантного стиля, берущим начало от предсказания Оракулом Душеньке («Амур и Психея») многих невзгод и испытаний.

Карамзин делает важнейшими персонажами, от которых зависит судьба Новгорода, абсолютно вымышленных дочь Марфы Ксению, юношу Мирослава, человека необыкновенной судьбы. Описание новых героев (Ксении и Мирослава) дано в типично галантном стиле. Мирослав предстает перед читателем в виде рыцаря из рыцарской сказки в традиции В. Лёвшина. Ксения же, как и Наталья в предыдущей повести Карамзина, предстает в образе прекрасной Психеи, в описаниях подчеркнуты ее красота и соблазнительность. Так же, как и Психея, Ксения не может смотреть на лицо своего жениха даже во время обряда венчания. Подробно описан и процесс переодевания Ксении в новые нарядные одежды, подобно тому, как Психею переодевали служанки во дворце Амура.

Еще одна черта галантного стиля, щедро использованного Карамзиным — эпитеты и метафоры, созданные на основе драгоценных камней, металлов, мехов и тканей.

Битва новгородцев с войском князя Иоанна также описана в галантном стиле, восходящим к рыцарским сказкам Лёвшина, а также к описаниям битвы в геснеровской идиллии «Деревянная нога».

Пространственные концепты-образы «хижины» и «дворца» формируют в повестях две различные и во многом противоположные концептосферы, определяющие жанрово-стилистическую природу двух групп карамзинских повестей: сентиментально-идиллических и галантно-прециозных. Взаимопроникновение и противоборство этих двух стилистических поэтических направлений определило формирование эстетической природы прозы Карамзина и ее влияния на последующее развитие «легкого» стиля русской литературы.

Список литературы

1. Вацуров В.Э. Готический роман в России. 2002. М., 544 с.
2. Деревянная нога, Швейцарская идиллия гос. Геснера. Переведено с немецкого Карамзин Н. Санкт-Петербург, 1783. 18 с.
3. Зорин А.Л. Незабвенная «Душенька» // Богданович И.Ф. Душенька: Древняя повесть в вольных стихах. 2002. М., С. 7-20.
4. Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. / [Вступ. Статья Беркова П. и Макогоненко Г.]. М.; Л., 1964.
5. Кросс А. Разновидности идиллии в творчестве Карамзина // XVIII век. Сб. 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л., 1969. С. 210-228.
6. Лёвшин В.А. Русские сказки. В 2 кн. Иваново, 2016.
7. Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М., 1995. 384 с.

Pedagogical aspects of the use of the conceptual forms "hut" and "palace" in the genre-style space of N.M. Karamzin's novels. Article two. "The Palace"

Sergey M. Shavrygin

Professor of the Department of Philology
Moscow Financial and Industrial University "Synergy"
Moscow, Russia
sshavrygin@gmail.com
 0000-0002-0182-1658

Received 09.06.2023

Accepted 10.06.2023

Published 30.06.2023

 10.25726/o5298-5189-5534-z

Abstract

In the article, within the framework of cognitive poetics, the core concept image of «house» in its individually author's stylistic design «palace» is considered, representing one of the main genre-forming features — chronotope, in its spatial aspect, linking genre discourse to a specific space that organizes a holistic image of the artistic world in the novels of N. M. Karamzin. The plot of the stories is formed around the locus «dwelling», but the type of dwelling is fundamentally different in different groups of stories. In one of them, the concept image «palace, halls, terem» introduces us to the sphere of the gallant fairy-tale world formed by the era of late classicism and Rococo, and in the other, the concept image «hut» connects us to the sphere of the idyllic world and is the most important genre-forming feature of pastoral genres. Thus, these groups of stories demonstrate two different genre-style types of prose narration by N. M. Karamzin. The concept of «palace» is a marked element of a precise, gallant style, which forms a fabulous, gallantly-precise genre-style unity, fueled by the tradition of ancient literature, French prose of the XVII century, Russian heroic fairy tales and especially the poem by I. F. Bogdanovich «Darling» («Dushen'ka»), the motives of which become integral constructive elements of N. M. Karamzin's gallant stories.

Keywords

concept, genre, plot, chronotope, concept, idyll, pastoral, story.

References

1. Vacurov V.Je. Goticheskij roman v Rossii. 2002. M., 544 S.
2. Derevjannaja noga, Shvejcarskaja idillija gos. Gesnera. Perevedeno s nemeckogo Karamzin N. Sankt-Peterburg, 1783. 18 s.
3. Zorin A.L. Nezabvennaja «Dushen'ka» // Bogdanovich I.F. Dushen'ka: Drevnjaja povest' v vol'nyh stihah. 2002. M., S. 7-20.
4. Karamzin N.M. Izbrannye sochinenija: v 2 t. / [Vstup. Stat'ja Berkova P. i Makogonenko G.]. M.; L., 1964.
5. Kross A. Raznovidnosti idillii v tvorcestve Karamzina // XVIII vek. Sb. 8. Derzhavin i Karamzin v literaturnom dvizhenii XVIII – nachala XIX veka. L., 1969. S. 210-228.
6. Ljovshin V.A. Russkie sazki. V 2 kn. Ivanovo, 2016.
7. Mann Ju.V. Dinamika russkogo romantizma. M., 1995. 384 s.